

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Анна Тарасенко

Концепты третьего
сектора и гражданского
общества в контексте
теорий демократии, управления
и экономического развития

Препринт М-36/14

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2014

УДК 323.21
ББК 66.4
Т 19

Тарасенко А. В.

Т 19 Концепты третьего сектора и гражданского общества в контексте теорий демократии, управления и экономического развития : Препринт М-36/14. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. — 32 с. — (Серия препринтов; М-36/14; Центр исследований модернизации).

Работа представляет собой обзор теоретических подходов к объяснению факторов развития гражданского общества и некоммерческого сектора. Среди них: «демократический подход», теория «провалов» контракта, рынка и государства (contract/state/market failure), теория обеспечения (supply side theory), теория социального происхождения (social origin theory). Предлагаемые концепции и объяснительные схемы рассмотрены во взаимосвязи с такими системными процессами, как политический режим и модели управления социальной сферой и трансформация государства благосостояния. Анализ исследовательской литературы, посвященной развитию гражданского общества в России, показывает возможности и ограничения описанных подходов и вызовы для концептуализации российского случая. В заключении работы изложены исследовательские перспективы для дальнейшего эмпирического изучения и теоретического осмысления особенностей развития гражданского общества в России.

Анна Тарасенко — к.полит.н., сотрудник Центра исследований модернизации ЕУСПб, доцент кафедры прикладной политологии НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), ataraskenko@eu.spb.ru

The nonprofit sector still holds to a quint nineteenth-century image of charity and altruism, of small voluntary groups ministering to the needy. In reality the actual operations of the nonprofit sector have become far more complex.
*Salamon, 2001*¹

Наравне с другими сферами политической науки, исследования гражданского общества и некоммерческого сектора подвержены пересмотру и появлению новых интерпретаций. Неудивительно, что повсеместно происходит переосмысление классических постулатов и подходов, объясняющих сущность и развитие этого феномена. Общепризнанным становится тот факт, что принципы автономности, альтруизма и благотворительной деятельности уже не могут объяснить трансформирующиеся практики гражданского участия, как отмечает один из ведущих американских исследователей в этой области Лестэр Саламон (Lester Salamon). Профессионализация гражданских объединений, бюрократизация и маркетизация их деятельности во многих странах мира требуют новых подходов, адекватной концептуализации и теоретического осмысления происходящих трансформаций. Как показывает анализ научной литературы, посвященный российскому случаю, исследования, по большей части связанные с анализом демократизации и влияния гражданского общества на становление конкурентного политиче-

---

¹ Некоммерческий сектор все еще несет на себе имидж, сложившийся в XIX веке — имидж благотворительности, альтруизма, небольших групп, работающих во благо нуждающихся. В реальности деятельность некоммерческого сектора стала значительно сложнее.

ского режима, уступают место новой повестке дня, связанной с социальной активностью. Представленная работа описывает существующее положение дел в исследованиях гражданского общества в России и показывает сферы теоретических концепций, которые хорошо разработаны и используются для анализа российского случая. Помимо этого, работа предлагает альтернативные теоретические интерпретации, объясняющие развитие гражданского общества и некоммерческого сектора, которые недостаточно представлены в исследовательской литературе, посвященной России. Новые концептуальные горизонты позволяют пересмотреть существующие подходы к анализу отношений между обществом и государством и проанализировать их в контексте системных социально-экономических и политических процессов. Таким образом, **данная работа преследует две цели: с одной стороны, описать основные подходы и аргументы, объясняющие развитие гражданского общества и некоммерческого сектора, и показать их взаимосвязь с системными теориями, описывающими социально-экономические и политические процессы в различных обществах; с другой — проанализировать научную литературу, посвященную изучению российского случая, и показать исследовательские перспективы.** Решение этих задач позволит продемонстрировать объяснительную силу концепций гражданского общества для понимания общественных процессов (в качестве независимой переменной), а также определить факторы, влияющие на развитие самого феномена (в качестве зависимой переменной). Иными словами, показать, каким образом системные концепции инкорпорируют аргумент «гражданского общества» в свою структуру, а также выделить основные исследовательские перспективы как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях.

Настоящая работа представляет собой анализ исследовательской литературы, изучающей феномен гражданского участия и деятельности некоммерческих организаций в России. Структурно она разбита на две основные части. Первая часть предлагает обзор теоретических подходов и контекст их возникновения. В анализе предпринята попытка вписать эти теории в более общие системы аргументаций: «подходы демократизации» и теория «государства благосостояния». Вторая часть представляет собой анализ исследовательской литературы, посвященной российскому гражданскому обществу и некоммерческому сектору, с целью показать применение описанных теоретических перспектив и адекватность их использования. В заключении сделаны выводы о перспективных направлениях исследований и теориях гражданского общества, которые могут быть успешно адаптированы на российском материале. Таким образом, работа представляет собой обзор исследовательской литературы и теоретических подходов и основана на анализе пула научных работ.

Структура аргументаций в теории гражданского общества

Как метко формулирует в своей книге Майкл Эдвардс (Michael Edwards), концепт гражданского общества был подвержен многократным искажениям и новым интерпретациям в силу многофункционального использования не только в академической среде, но и в политической и публичной сфере (Edwards, 2004). Действительно, за время своего существования это понятие стало чрезвычайно востребованным не только исследователями и аналитиками, но также политиками и гражданскими активистами, что не могло не отразиться на размывании его смысловой нагрузки. Некоторые российские исследователи признают, что появление многочисленных интерпретаций препятствует адекватному использованию данного концепта в российских реалиях (Мерсиянова, 2012). Поэтому, используя ту или иную трактовку, необходимо понимать контекст ее происхождения и место в теориях, объясняющих влиятельные (системные) политические и социально-экономические процессы.

Интерес к феномену гражданского общества пережил несколько волн и был спровоцирован многоплановыми общественными изменениями. Противостояние объединений граждан недемократическим режимам в России, странах Восточной Европы (Венгрия, Чехословакия, Польша) и Латинской Америки (Чили, Аргентина, Мексика) в 1980-х годах послужило значимым политическим фактором для развития аргументации об их важной роли в процессе демократизации. Более того, эта роль всячески подчеркивалась как исследователями, так и политиками и общественными активистами. Гражданское общество рассматривалось ими как важнейший актер, способствующий разрушению авторитарных режимов «изнутри». В то же время в сложившихся представительных демократиях (как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах) снижение уровня общественного участия (членство в политических партиях, явка на выборах, членство в гражданских объединениях и т.д.) также вызывало интерес и новые попытки осмысления роли гражданских инициатив в политической жизни общества (Roßteuscher, 2005). Так, для объединенной Европы конца XX века дискурс гражданского общества стал как нельзя более актуальным в борьбе с дефицитом демократии, с которым столкнулись укрепившиеся в процессе европейской интеграции наднациональные институты Европейского Союза (Smismans, 2003). Параллельно с этим кризис государства благосостояния в Европе, появление новых общественных движений и альтернативных форм производства услуг (продвижение социальных инноваций) стали стимулом для очередного витка концептуализации дискуссии о деятельности институтов гражданского общества в социальной сфере (Baynes, 1993; Evers, Laville, 2004: 2).

Развитие массовых правозащитных движений и общественных выступлений в Соединенных Штатах Америки в 1960-х годах стало стимулом для развития аргументации о роли гражданского общества, связанной с представительством интересов и защитой прав социальных групп. Эмпирическим материалом для обобщений подобного рода послужили успешные антивоенные протесты и борьба за гражданские права (прежде всего, представителей этнических, расовых, сексуальных меньшинств, защитников экологии и прав женщин и т.д.). Заинтересованность таких политических антрепренеров, как партии, благотворительные фонды и бизнес-сообщество, во взаимодействии с общественными структурами стала принципиально необходимой для институционализации общественного протеста. Изучение деятельности правозащитных организаций прошло несколько этапов концептуализации: начиная от защиты интересов отдельных групп до дискуссии о плюралистической демократии и общественном благе (Skocpol, Fiorina, 1999: 2).

Очевидно, что эти процессы (развивавшиеся параллельно и во многом независимо друг от друга) наложили свой отпечаток на развитие исследовательских традиций в различных странах. Так, Елена Чебанкова полагает, что для восточноевропейской академической традиции характерно противопоставление государственного и частного секторов, в то время как в западноевропейской и англо-американской традиции подчеркивается взаимодействие этих двух сфер (Chebankova, 2012). Указанные традиции легко соотносятся с двумя классическими философскими подходами к понятию гражданского общества, которые также отталкиваются от природы его взаимоотношений с государством. Один из них связан с либеральными ценностями и воззрениями Джона Локка и подчеркивает независимость гражданского общества и даже его противостояние государству (L-традиция). Второй подход интерпретирует гражданское общество как специфическую сферу самоорганизации граждан, развивающуюся вне (параллельно) государственной политики и управления (M-традиция) (Белокурова, 2001; Хархордин, 1997; Мерсиянова, 2012).

Обозначенные политические и социально-экономические изменения, несомненно, оказывали влияние на дискуссию о роли гражданского общества в различных сферах жизни в России. Как результат, в исследованиях можно обнаружить два основных направления изучения данного феномена в рамках (1) демократизации политики и процесса управления и (2) социально-экономического развития. Как отмечает в своей диссертации финская исследовательница Мэри Кулмала (Meri Kulmala), именно эти два направления в исследованиях являются ведущими в современной исследовательской литературе, посвященной гражданскому обществу (Kulmala, 2013: 38). Эти два прочтения коррелируют с изучением двух взаимосвязан-

ных функций, классически определяемых для организаций гражданского общества как защита прав и представительство интересов граждан, с одной стороны, и предоставление социальных услуг, с другой. Зачастую термин «гражданское общество» соотносится с дискурсом о «демократизации» (*democratization approach*), а «некоммерческий сектор» (представляющий собой элемент гражданского общества) — с дискурсом «благополучия и производства социальных услуг» (*welfare approach*). Таким образом, первое направление в исследованиях связывает развитие гражданского общества с политическими процессами и с распределением власти в обществе, второе — с процессом управления и социально-экономическим развитием (Cox, Gallai, 2014).

Демократия и гражданское общество: две стороны одной медали?

Расцвет плюралистической концепции демократии в 1950–1960-х годах стал благоприятным моментом для развития тезиса о влиянии гражданского общества на развитие демократии. Так, конвенциональное расширенное понимание демократии, идеологом которого является американский классик политической науки Роберт Даль (Robert Dahl), включает ассоциации граждан в качестве одного из необходимых институтов, обеспечивающего демократическое управление (Даль, 2003). Именно перманентное участие граждан в общественной и политической жизни обеспечивает существование самих демократических процедур управления наравне с такими институтами, как свободные, честные, часто проводимые выборы должностных лиц, всеобщие гражданские права, свобода выражения, альтернативные источники и автономия ассоциаций. Конвенциональным считается определение гражданского общества как идеал-типической категории, описывающей и предвосхищающей сложный динамичный ансамбль охраняемых законом неправительственных институтов, которым присуща тенденция к ненасильственности, самоорганизации и саморефлексивности и которые находятся в постоянных трениях друг с другом и с институтами государственной власти (Кин, 2001: 18).

Тезис о взаимосвязи демократии и гражданского общества соотносится с представлениями Алексиса де Токвиля, Адама Смита и Адама Фергюссона. Эмпирическое исследование Роберта Патнема, проведенное в Италии, продолжает эти традиции, объясняя развитие демократических практик участия степенью развитости объединений граждан. Работа «Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии» (Патнем, 1996) стала серьезным толчком для развития данной ветви аргументации в

теории гражданского общества, которое, помимо прочего, в ходе этих исследований получило нормативную окраску, поскольку эксперты рассматривали широкую сеть общественных организаций в качестве несомненной ценности для успешного развития демократии.

В целом, исследователи выделяют два основных аргумента в пользу значимости участия в организациях гражданского общества как стимула для консолидации демократии (Сох, 2007: 284):

1. Участие в ассоциациях граждан способствует формированию демократических ценностей и навыков участия (Алексис де Токвиль);
2. Общественные активисты представляют специфические интересы и могут оказывать влияние на политику правительства (Тедда Скочпол).

Тезис Алексиса де Токвиля состоит в том, что участие в деятельности гражданских ассоциаций на волонтерских началах способствует формированию социального доверия и влияет на ценности и поведение людей, которые, по сути, проходят «школу демократии». Общественное участие, таким образом, способствует накоплению социального капитала, являющегося ресурсом для возможности коллективного действия ради общих целей (Edwards, Foley, Diani, 2001). Как видно, эта аргументация оказывается ценностно окрашенной (и отчасти нормативной), поскольку участвующие в деятельности организаций граждане, следуя теории, учатся практикам и соответствующим нормам плюралистической демократии: толерантности, способности к компромиссам и коллективным действиям ради решения общих проблем (Armony, 2004: 24; Skocpol, Fiorina, 1999: 13). Сложившиеся паттерны взаимодействия способствуют формированию доверия между гражданами и в конечном итоге их доверию к наделенным властью представителям. Демократическое управление, таким образом, берет свое начало в доверительных социальных связях и сложившемся позитивном опыте взаимодействия граждан.

Аргумент Теды Скочпол состоит в том, что участие в различного рода объединениях позволяет представлять специфические интересы граждан и оказывать влияние на правительство (Сох, 2007: 284). Таким образом, организации гражданского общества институционализируют каналы влияния на власть и противодействуют его неограниченному вмешательству в общественную жизнь (Kubik, 2005: 109). В результате такого рода активность граждан способствует консолидации демократии. Дальнейшее тестирование этих аргументов послужило поводом для критического переосмысления тезиса о соотношении демократического правления и практик гражданского участия. Особенно важным этот вопрос стал в отношении анализа посткоммунистических обществ. Хотя часть исследований показывает, что гражданское общество сыграло важную роль в падении коммунистических режимов в Восточной Европе, некоторые специалисты рассматривают его в качестве

западного институционального паттерна, который не релевантен в незападном культурном контексте (Kubik, 2005: 106).

Среди продолжателей традиции Патнема, изучающих посткоммунистические общества, можно назвать Эндрю Арато и Джин Коэн (Andrew Arato and Jean Cohen). Исследователи связывали успешное возрождение и возрастание актуальности понятия гражданского общества с преобразованием недемократических режимов бывшего социалистического блока под воздействием активности граждан, их общественных и политических объединений (Арато, 1995). Опыт Восточной Европы и стран Латинской Америки являлся наглядным примером для развития тезиса о способности гражданского общества противостоять авторитарному государству. Гражданское общество понимается этими исследователями как арена для общественного участия и сфера социальной коммуникации между экономикой и государством, состоящей из приватной сферы (семья), сферы ассоциаций (волонтерские ассоциации граждан), социальных движений и форм публичной коммуникации (Cohen, Arato, 1992: 9). Однако не вся сфера за пределами государства и рынка может быть обозначена как «гражданское общество».

Так, политические партии, политические объединения, а также различные кооперативы, партнерства и иные организации не относятся к этой категории, несмотря на то, что функционируют в характерных организационных формах, поскольку связаны с властью и/или рыночным производством. Особенность «политической роли» гражданского общества напрямую не соотносится с достижением контроля над государственными институтами, но предполагает влияние на них посредством демократических ассоциаций и дискуссий в публичной сфере. В этом состоит и главная отличительная черта, отделяющая их от таких политических организаций, как политические партии. Организации гражданского общества стремятся оказывать влияние на политику и имеют потенциал для этого, но они не ставят своей целью достижение власти, и это сближает их, скорее, с заинтересованными группами. На этом основании и проводятся теоретические и эмпирические разграничения между общественными и политическими инициативами.

Следуя интерпретации Гегеля и Токвиля, Арато полагает, что в условиях недемократического правления существование гражданского общества невозможно (Арато, 1995). Согласно этой теории, тоталитарные общества (СССР, Польша и Венгрия) нельзя охарактеризовать как общества гражданские. Особенность данного подхода состоит в том, что гражданское общество не рассматривается в качестве субститута или ограничителя государства и рыночной экономики. Оно видится как залог формирования демократического общества в целом.

На уровне политической теории критика такого понимания гражданского общества широко представлена в работах Ханны Арендт и как раз связана

с интерпретацией понятия гражданского общества как промежуточной сферы между «публичным» и «частным» (*public and private*). Согласно логике немецкого мыслителя, такое понимание размывает границы между этими сферами и ставит под угрозу их автономное существование (Cohen, Arato, 1992). Наиболее ярким примером того, что широкое распространение гражданских ассоциаций не всегда ведет к демократическим практикам управления, является Германия 1930-х годов, в которой процветали объединения граждан, что не помешало возникновению и развитию репрессивного, недемократического режима (Kubik, 2005: 113).

Разнообразие трансформационных процессов в посткоммунистических странах Восточной Европы и их результаты сказывались на интерпретациях концепта гражданского общества и стали частью дискуссии относительно направления взаимосвязи между развитием гражданского общества и политическим режимом. По сути, основным аспектом дискуссий в исследовательской литературе стал вопрос о том, является ли демократический политический режим предпосылкой развития гражданского общества или же, напротив, без существования практики общественного участия невозможна демократия. В целом, критика этого аргумента развивается в двух направлениях. Первое касается сложности структуры самого гражданского общества и неоднозначности эффектов самоорганизации граждан для демократических процедур управления, а второе — с направленностью взаимосвязи между формированием демократической политической культуры и общим политическим контекстом изменений режима: что выступает причиной, а что следствием?

Исследователи признают, что концепт «социального капитала» (как важнейшего фактора общественного участия) включает в себя довольно широкий спектр неформальных объединений и взаимосвязей, которые при определенных условиях продуцируют такие негативные последствия, как клиентелизм и коррупция (Cox, 2007). Кроме того, в статье *The paradox of civil society* Фолей и Эдвардс подчеркивают нормативность предпосылок о том, как устроены взаимоотношения между объединениями граждан. Феномен социального доверия, очевидно, связан с представлениями коммунитаризма² об устройстве взаимоотношений в сообществе, для которых характерна культурная сплоченность и гомогенность (Foley, Edwards, 1996; Cox, 2013). Также авторы предлагают учитывать специфику изучаемых организаций, поскольку различные политические объединения играют специфиче-

---

² Одним из основателей этого подхода является Джеймс Коулмэн, с чьими идеями связывают возникновение понятия «социальный капитал» в том смысле, в котором позднее использовал его в своих работах Роберт Патнем (Патнем, 1996).

скую роль в процессе демократизации в тех или иных контекстах. В частности, пример Латвии показывает, что политическая и социальная активность влияет на артикуляцию интересов и контроль над государством, в то время как правозащитная деятельность важна для институционализации демократии (Uhlin, 2009). Помимо этого, исследования заинтересованных групп демонстрируют, что их специфическая активность (поиск ренты) может противодействовать эффективному функционированию рынка и государства (Foley, Edwards, 1996). Таким образом, аргумент о значимости социального капитала должен учитывать не только социальный контекст, но и особенность изучаемых заинтересованных групп, деятельность которых может производить разнообразные (и не всегда позитивные) эффекты с точки зрения управления и консолидации демократии.

Многие ученые также критически осмысливают положительное влияние деятельности ассоциаций и их вклад в эффективное управление, а также положительную взаимосвязь между развитым некоммерческим сектором и демократической политической культурой (Roßteuscher, 2005). Исследования показывают, что именно особенности сложившегося политического режима определяют демократические ценности гражданского общества и характеристики общественного участия, в то время как обратной зависимости не наблюдается. Более того, политические акторы тем или иным образом оказывают воздействие на развитие гражданского общества. Так, например, есть свидетельства того, что участие граждан в общественных (некоммерческих) организациях не оказывает влияние на качество политических институтов (Агмопу, 2004). Исследования также показали, что зависимость носит скорее иной характер: в целом, сила и жизнеспособность деятельности ассоциаций граждан зависит от демократии и от способности правительства поддерживать верховенство права (Alarpu, 2010: 14; Kubik, 2005: 117).

Подводя небольшой итог, можно сказать, что в теории гражданского общества существуют несколько блоков аргументов, которые не всегда находят подтверждение в ходе эмпирического анализа (неоднозначность роли гражданского общества в процессе консолидации политического режима). Очевидно, что для описания и объяснения постсоветских обществ требуются дальнейшие исследования и развитие системы аргументации. Одной из задач стало преодоление нормативного звучания теории, ставшей привлекательной для объяснения посткоммунистических политических трансформаций в восточноевропейских обществах, но позднее утратившей политическую актуальность. Помимо этого, сами гражданские объединения претерпевают серьезные качественные изменения, и их взаимоотношения с государством естественным образом преобразуются, что не может не отражаться на исходных предпосылках теории и новых интерпретациях. Прежде

всего, речь идет о взаимоотношениях в сфере решения социальных проблем. Этот блок объяснительных схем связан с понятием «некоммерческий сектор» и с моделями управления в сфере социальной политики.

Некоммерческий сектор, экономическое развитие и эффективное управление

Исследования роли некоммерческого сектора в преодолении социальных проблем в тех или иных обществах представляют собой отдельный пул объяснительных схем, в центре внимания которых находится не политический режим, а проблемы управления и реализации социально-экономического курса. Их особенность состоит в том, что они призывают отходить от интерпретации конфликтной природы этих взаимоотношений общества и государства, что, в частности, присуще ряду теорий гражданского общества (Salamon, Sokolowski, 2010: 13). Интерес к данной проблематике связан с нарастанием значимости и присутствия в социальной сфере некоммерческих организаций, которые становятся важной составляющей сервисной экономики в западноевропейских обществах (Bridge, Murtagh, O'Neil, 2009: 5). Здесь важно подчеркнуть, что понятие гражданского общества является более широким, чем «некоммерческий сектор», поскольку оно включает весь спектр общественных инициатив, в том числе формально не зарегистрированную активность граждан и поддерживающий ее социальный капитал (Uhlin, 2009). Исследователи сходятся во мнении, что некоммерческий сектор является ядром гражданского общества. Понятие третий сектор (порой выступающее синонимом некоммерческого сектора) концептуально связано с нелиберальными традициями и вписано в дискуссию о соотношении рыночных и правительственных институтов (Salmenniemi, 2007: 24).

Одним из первых термин «некоммерческие организации» в 1973 году использовал Амитай Этциони, который связывал их появление с возрастающей способностью общества производить блага в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты и т.д. Одной из подходящих организационных форм становятся организации третьего сектора в качестве альтернативного производителя общих благ и удовлетворения спроса (Etzioni, 1973: 315; Billis, 2010: 5). Дискуссия о роли государства и рынка сопровождалась появлением третьей силы, которая стала занимать собственную нишу в некоторых специфических сферах экономики. Несомненно, такие сферы, как, например, книгоиздание, всегда будут прерогативой рынка, а социальная защита населения будет обеспечиваться силами исполнительных органов власти. Однако практика демонстрирует появление но-

вых способов ведения «социального» бизнеса в условиях зрелого капитализма, и этой формой, по мнению Этциони, является третий сектор (Etzioni, 1973: 315).

Теоретические подходы, объясняющие динамику формирования некоммерческого сектора, можно условно разделить на два блока. Первые сфокусированы на объяснении причин его возникновения (*government/market failure, supply side theory*). Вторые описывают факторы, определяющие его качественные характеристики: роль в решении социально значимых проблем в зависимости от той или иной модели государства благосостояния (*social origin theory*). Первый блок теорий связан с теорией «общего блага» (*public goods theory*).

Экономист Бартон Вайсброд (Burton Weisbrod) подчеркивает роль рациональных предпочтений граждан (в отличие от аргументов, связанных с приверженностью социальным взаимодействиям, которые важны для теорий гражданского общества) в появлении организаций третьего сектора, возникающих как производители специфических благ и провайдеры дефицитных «услуг». Претворяя политический курс в действие, демократическое правительство ориентируется на «медианного избирателя», поскольку его цель — максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы (The Nonprofit, 1978). В результате часть периферийных социальных групп неизбежно выпадает из сферы его воздействия. Ограниченность возможностей государственных институтов и экономики обеспечить широкий спектр общественных потребностей рассматривается, соответственно, как «провалы государства» и «провалы рынка» (*government failure, market failure*). Дефицит специфических благ приводит к появлению некоммерческих организаций, основная цель которых состоит в том, чтобы удовлетворить этот спрос (Borzaga, Tortia, 2010; Salamon, Sokolowski, 2010).

Теория «предложения» (*supply side theory*) в определенной степени дополняет описанную интерпретацию «несостоятельности» государства и/или рынка, указывая на то, что одним из условий появления общественных объединений является наличие «социальных и политических антрепренеров», которые имеют особые стимулы создавать или поддерживать НКО для удовлетворения социального спроса. Такими антрепренерами становятся значимые политические акторы. Ведущим антрепренером, заинтересованным в появлении общественных объединений, производящих социальные услуги, в ряде стран является церковь, в то время как для правозащитных объединений таким антрепренером часто становятся фонды и предприятия крупного бизнеса. Существует несколько концепций, которые объясняют появление антрепренеров, заинтересованных в создании и поддержке НКО. Обобщая, можно выделить две причины: рост профессионализма и благосостояния среднего класса, что способствует альтруистическому поведению, а также

политический мотив — стремление сохранить контроль над социально нестабильной ситуацией (Jenkins, 1978: 301). Финансовая и организационная поддержка деятельности организаций третьего сектора теми или иными антрепренерами, таким образом, рассматривается как необходимое условие становления подобного рода организаций, которые не могут существовать в долгосрочной перспективе исключительно за счет пожертвований ее членов. Эта теория связывает развитие некоммерческого сектора с деятельностью политических или экономических антрепренеров, по разным причинам инвестирующих свои ресурсы в общественное развитие.

Англосаксонская (либеральная) школа политической мысли связывает развитие некоммерческого сектора (как части гражданского общества) с его способностью производить общее благо в противовес государству и рынку, которые не могут обеспечить все многообразие потребностей общества в силу ограниченности ресурсов и/или мотивации (Salamon, Anheier, 1996). Дополнительной предпосылкой является, с одной стороны, наличие в обществе особого рода потребностей (гетерогенность общества), которые необходимо удовлетворять, а с другой — наличие политических/социальных антрепренеров, способных инвестировать ресурсы в их развитие. Эти теории показывают, что специфика процесса производства социальных благ и способности государственных и частных институтов удовлетворять общественный спрос оказывают влияние на особенности развития третьего сектора. Еще более детальное развитие аргумента об экономической целесообразности появления некоммерческих организаций представлено в неоклассической экономической теории.

Новый институционализм Хансмanna (неоклассическая экономическая теория)

Хансмanna объясняет существование некоммерческих организаций и кооперативов их способностью снижать трансакционные издержки в условиях рынка, которому свойственна так называемая проблема провала контакта (*contract failure*). Она состоит в невозможности потребителя контролировать поведение (т.е. непосредственно наблюдать) коммерческих производителей услуг, особенно важным это становится в таких чувствительных сферах, как уход за детьми и пожилыми людьми. Некоммерческие организации нивелируют указанную сложность, снижая издержки контроля. Именно по этой причине организации в сфере здравоохранения и образования во многих странах становятся некоммерческими по форме с наблюдательными советами из заинтересованных лиц (чаще всего спонсоров). А в таких сферах, как предоставление работы людям с ограниченными возможностями, услу-

ги и блага могут быть адекватно произведены только не заинтересованными в выгоде организациями (Borzaga, Tortia, 2010: 21). Есть, однако, одно ограничение, которое состоит в том, что некоммерческие организации, несомненно, справляются с некоторыми провалами рынка, но становятся невостребованными в условиях эффективности коммерческих способов производства благ, а также в случае усиления конкуренции и регулирования. Таким образом, некоммерческие организации видятся в качестве транзитной организационной формы, удобной для выполнения специфических социальных услуг (Borzaga, Tortia, 2010: 19).

Развивая тезис об успешности социальных антрепренеров в производстве особого рода общественно значимых услуг, Хансмэнн подчеркивает роль гомогенности целей, которая им присуща. Так схожесть интересов и целей способствует развитию организаций, основанных на участии и сплоченности, которые в свою очередь снижают транзакционные издержки (Borzaga, Tortia, 2010: 19). По сути, этот тезис перекликается с соответствующими положениями теории заинтересованных групп. Так, гомогенность членов заинтересованной группы имеет значение для формирования у нее общего представления о коллективном благе. Мансур Олсон в своей книге «Возвышение и упадок наций» пишет: «социальная гетерогенность в маленьких группах ниже... [поэтому] разница мнений по поводу того, что такое коллективное благо, в каком количестве оно востребовано и каким образом его добиться, снижает издержки для коллективного действия» (Olson, 1982: 24). Что в свою очередь помогает решить проблему безбилетника и позволяет создавать селективные стимулы для участия в коллективном действии.

Объяснения причин возникновения третьего сектора в обществе, разработанные в рамках нового институционализма, имеют, однако, некоторые ограничения. Очевидно, что этот подход не уделяет внимания специфике различных некоммерческих организаций, которые серьезно отличаются по правам собственности (учредителям) и, соответственно, особенностям управления, а также по природе производимых благ и услуг (Borzaga, Tortia, 2010: 20). Основной фокус анализа в рамках этого подхода — благотворительные фонды (*donative foundations*). Анализ деятельности идеологических антрепренеров (те лица или организации, которые жертвуют средства в фонд) играет здесь серьезную роль, поскольку у них есть другие цели, помимо получения дохода, и поэтому их деятельность нельзя сводить к минимизации издержек наравне с обычными коммерческими организациями. Более того, социальные антрепренеры способны производить специфические блага и преувеличивать ресурсы, которые невозможно оценить, анализируя баланс бюджета некоммерческих организаций. Очевидно, что это критика с позиции социологического подхода, который вкладывает в дея-

тельность организаций третьего сектора значительно больше общественной инициативы и альтруистической природы их деятельности.

Одним из популярных трендов, находящихся в фокусе анализа, является изучение размывания границ между классически выделяемыми секторами (государственный, рыночный и общественный). Это связано с изменением моделей управления социальной сферой и стимулирования деятельности организаций третьего сектора в решении социальных вопросов путем развития социальных инноваций (Evers, Laville, 2004: 2). Концепт «гибридных организаций» призван описать появление таких организационных форм, которые обладают характеристиками более чем одного сектора, — например, частично национализированные банки или социальное предпринимательство. Однако они не являются простым смешением характеристик нескольких сфер, но отличаются другими принципами управления и функционирования (Billis, 2010: 3). Как показывают исследования, «гибридные организации» — не только англосаксонский феномен, они распространены и в Европе, и в других частях света (Billis, 2010: 12). В неолиберальной логике развивается концепт «плюрализм в социальном обеспечении» (*welfare pluralism*), который описывает многосложную конкурентную среду рынка, состоящую из коммерческих, общественных и государственных производителей услуг (Zimmer, 2001: 122). Особенности взаимоотношений и причины размывания границ между секторами позволяет понять теория социального происхождения (*social origin theory*).

Национальную специфику развития некоммерческого сектора теория социального происхождения связывает с особенностями взаимоотношений с такими политическими и социальными институтами, как политические партии, правительства и различные политические антрепренеры (Salamon, Sokolowski, 2010). Некоммерческий сектор рассматривается как часть социальной системы государства, чья роль и масштаб, в свою очередь, являются продуктами целого комплекса исторических факторов (Alarigo, 2010: 11). Отправной точкой для концептуализации моделей взаимодействия некоммерческого сектора и государства является концепт государства благосостояния, заимствованный у широко известного Госта Эспинг-Андерсена (Gosta Esping-Andersen).

Этот подход свидетельствует о том, что сложившаяся система социального обеспечения (модель государства благосостояния) определяет модель взаимоотношений между общественными и государственными институтами. В самом общем виде эту взаимосвязь можно сформулировать следующим образом: объем социальных обязательств и специфическая роль в процессе формулирования (функция представительства интересов) или реализации социальной политики (функция предоставления услуг), выполняемых общественными институтами (рынок и некоммерческий сектор),

определяются той или иной моделью социального государства. Общеизвестным является тот факт, что подавляющее число социальных систем стран мира представляют собой ту или иную модель государства благосостояния, где правительство берет на себя львиную долю расходов и обязательств социального обеспечения своих граждан. Функциональное объяснение развития государства благосостояния сосредоточено на объяснении трансформации государства благосостояния. Основополагающий аргумент состоит в том, что высокий уровень экономического развития, индустриализация и «старение» населения приводят к развитию государства благосостояния: увеличению социальных расходов и расширению социальных прав. Неофункционалисты показывают, в свою очередь, что социальные и экономические изменения стимулируют приватизацию социальных услуг и развитие рынка. В частности, изменение приоритетов граждан, заинтересованных в качественном социальном обслуживании, и серьезные правительственные затраты способствуют деволюции и децентрализации управления социальной сферой. Результатом этих изменений и оказывается та или иная модель задействия коммерческих и некоммерческих организаций в системе социального обеспечения (Кёрре, 2008).

Согласно теории социального происхождения, некоммерческий сектор является производной социальной системы государства, которая определяет особенности его развития (Salamon, Sokolowski, 2010: 15). Исследователи выделяют три модели социального государства: *социал-демократическая* (характерная для скандинавских стран), *консервативная* (распространена в континентальной Европе) и *либеральная* (превалирует в англосаксонских странах) (Esping-Andersen, 1999: 12). Посткоммунистические государства (в том числе и российский случай) относятся к трансформирующимся государствам благосостояния смешанной категории, включающей характеристики социал-демократической (широкая система социальных гарантий и доступ к базовым социальным услугам) и консервативной моделей (стратификация внутри системы социальных гарантий) (Cook, 2007: 9). Поскольку государство является монополистом в социальной сфере и не поддерживает общественные инициативы (считая некоторые из них враждебными), российский случай относят к модели «запоздалой демократизации». Для нее характерны относительно небольшой объем некоммерческого сектора, незначительная государственная поддержка и ограниченность привлечения граждан в качестве волонтеров в работе общественных объединений (Salamon, Sokolowski, 2010: 3).

Либерализация социальной системы во всем мире приводит к тому, что организации гражданского общества (*civil society organizations*), более эффективные в фандрайзинге и привлечении волонтеров, способные оперативно справляться с определенными социальными проблемами, становятся

востребованными на рынке социальных услуг. Либерализация государства благосостояния является общемировым трендом и проявляется не только (и не столько) в снижении затрат на социальные нужды, но в приватизации системы социальной защиты и создании рынка социальных услуг. Экспансия сервисной экономики и приватизация системы социальной защиты стали движущими факторами увеличения численности некоммерческого сектора во всех европейских странах (Anheier, 2002). Несомненно, эти преобразования имеют не только количественные изменения, но и качественные преобразования некоммерческого сектора. Так, выход на рынок социальных услуг приводит к маркетизации и росту профессионализма НКО, которые становятся производителями особых социальных услуг. Примером также может служить Латинская Америка, где либерализация системы социального обеспечения способствовала развитию минималистской концепции государства и поощрению участия некоммерческих организаций в предоставлении социальных услуг (Salmenniemi, 2007: 25). Таким образом, опыт стран Европы и Латинской Америки показывает, что либерализация влечет за собой переформатирование взаимоотношений между обществом и государством, а именно, стимулирует развитие некоммерческого сектора и приводит к изменению его качественных характеристик.

Подводя итог данному обзору теоретических подходов, следует отметить, что объяснение причин и факторов развития некоммерческого сектора является перспективным направлением в социальных и политических исследованиях, которые легко вписываются в экономические объяснения и концепции (например, теория общественных благ и др.). Взаимосвязь трендов развития некоммерческого сектора и модели государства благосостояния обладает широким объяснительным потенциалом и, как видно, описывает довольно большой спектр эмпирических случаев. Сформулированные гипотезы о влиянии гетерогенности общества, активности политических антрепренеров и «провалах» государства рынка довольно легко операционализируются и могут быть тестированы, в том числе, и на российском случае. Трансформации, происходящие в системе управления социальной сферой, являются универсальными процессами и стимулируют исследовательский интерес и потребность в концептуализации и сравнении. Рассмотрим в соотношении с описанными теоретическими перспективами исследовательскую литературу, изучающую российский случай.

Гражданское общество и некоммерческий сектор в России

Подавляющая часть российских эмпирических исследований гражданского общества посвящена правозащитной и гражданской активности общественных объединений и их шагам по защите интересов тех или иных социальных групп (Беляева, 1995; Беляева, Зайцев, 2008; Белокурова, 1999; Горный, 2012). В терминах Саламона и Анхейера это направление исследований трактует природу взаимоотношений между обществом и государством как конфликтную (Salamon, Anheier, 1996). Подобные исследования позволили выявить несколько особенностей гражданского общества. Прежде всего, была отмечена тесная взаимосвязь многих организаций с органами власти, что привело к необходимости обозначить их новым понятием «ГОНГО» (*GONGO — government organized nongovernmental organizations*) (Coston, 1998). Исследователи в целом негативно оценивают сложившиеся неформальные, а зачастую и непрозрачные, сети социальных взаимодействий для развития гражданского общества (Salmenniemi, 2008: 43; Сох, 2013: 284). Это, по мнению ученых, во многом связано с советским наследием (Howard, 2003; Uhlin, 2009). Не вписываясь в критерии классических гражданских ассоциаций (самоорганизация, демократическая, неиерархичная система принятия решений, относительная независимость от государства), созданные в советское время структуры и вовсе выпадают из поля зрения исследователей (Kulmala, Tarasenko, 2013). В результате в поле анализа остается довольно узкий круг организаций, которые не характеризуют третий сектор в целом. Конечно, от этого наше представление о нем остается фрагментарным.

Авторы также подчеркивают низкую степень вовлеченности волонтеров и непопулярность альтруистического поведения в обществе. Многие организации не только иерархично устроены и обладают недемократической структурой принятия решений, но и имеют закрытый, элитарный характер. Учитывая эти особенности, исследователи констатируют, что гражданское общество в России слабо развито и практики самоорганизации зачастую не вписываются в классические представления теорий гражданского общества. В результате многие эксперты с осторожностью относятся к применению этих теоретических рамок, считая их не вполне адекватными для описания российских реалий, и предлагают апеллировать к другим подходам (Salmenniemi, 2008: 7; Сох, 2012). Таким образом, прогностическая и объяснительная сила теорий гражданского общества сама по себе ограничена, что не позволяет описывать и объяснять его особенности, природу и тренды развития на российском материале.

Значительное место в российской исследовательской литературе занимает дискуссия относительно роли государства в развитии институтов гражданского общества. Это связано с нормативными представлениями о независимости данной сферы общества от политической и экономической среды со специфическим шлейфом, который привнесли интерпретации на волне борьбы с авторитарными режимами в странах Восточной Европы. Однако правозащитные организации, которые традиционно изучаются в рамках концепций гражданского общества, составляют только незначительную часть организаций гражданского общества в России. Примером подобных исследований на российском материале является статья Сары Линдеман-Комаровой и Дебры Джавелин, которые исходят из того, что развитое гражданское общество символизирует демократическое развитие (Javeline, Lindemann-Komarova, 2008). Примером использования такого подхода также являются исследования В. Якимца и Л. Никовской, которые исходят из того, что развитое гражданское общество помогает развитию конкуренции, открытости, плюрализма, что в свою очередь способствует модернизации системы управления (Никовская, Якимец, 2011). Обзор и концептуализация механизмов взаимодействия власти и различного рода НКО представлены в работах А.Ю. Сунгурова (Сунгуров, 2008).

Отдельную часть российских исследований составляют работы, посвященные оценке ресурсной обеспеченности и финансовой устойчивости некоммерческих организаций. Методологический подход и теоретические рамки исследований определяют фокус и результаты анализа, которые варьируются от оценки вклада иностранного финансирования в деятельность российского некоммерческого сектора (Henderson, 2002; Sundstrom, 2005; Chebankova, 2012) до влияния на его развитие государственной политики и новых возможностей поддержки НКО (Jakobson, Sanovich, 2010; Javeline, Lindemann-Komarova, 2008; Неправительственные, 2008). Легко предположить (и это видно из выводов упомянутых работ), что оценки исследователей серьезно расходятся в зависимости от выбранного эмпирического материала и соответствующего концепта. Дискуссия относительно оценки эффектов политики государства в отношении некоммерческих организаций и роли иностранного финансирования свидетельствует о многогранности и комплексности феномена третьего сектора, который неравномерно подвержен влиянию одних и тех же факторов. В силу специфики российского материала, эмпирические наблюдения не всегда вписываются в концепции, разработанные на материале западных стран. В связи с этим возникает необходимость тщательно подбирать наиболее адекватный теоретический концепт.

Попытки комплексно охарактеризовать некоммерческий сектор стран Восточной Европы предпринимались как зарубежными, так и отечествен-

ными учеными. Одно из самых первых масштабных исследований было реализовано Марком Ховардом (Howard, 2003). Основной его вывод (который подтверждается и другими учеными) состоит в том, что слабость гражданского общества на постсоветском пространстве обусловлена низким уровнем участия граждан в деятельности общественных объединений (Гражданское, 2011: 8). Вместе с тем ряд экспертов подвергают сомнению операционализацию «силы/слабости» гражданского общества, основанную на количестве вовлеченных в их деятельность граждан. Так, Нэнси Бермео полагает, что недостаток количества гражданских объединений в странах Восточной Европы не обязательно ведет к их функциональной слабости и неспособности оказывать влияние и отстаивать свои интересы, что и подтверждают результаты недавно проведенных исследований (Сох, 2013; Kulmala, 2013; Kubik, 2005). Таким образом, не поддающиеся концептуализации в рамках теории гражданского общества (непрозрачные, созданные «сверху» и т.д.), но эффективные для достижения своих целей (при определенных условиях) каналы вовлеченности граждан требуют поиска объяснительных моделей, возможно, в области лоббистской деятельности заинтересованных групп или корпоративистского типа взаимоотношений общества и государства (Сох, 2013; Тарасенко, 2009).

В целом, исследователи по-разному объясняют низкую степень вовлеченности граждан в деятельность общественных организаций. Так, одной из причин называется советское наследие, а именно, принудительное участие людей в общественных объединениях, созданных и контролируемых государством (Uhlin, 2009). В то время как в таких постсоветских странах, как Венгрия, либеральные реформы в экономике и общее снижение уровня жизни населения представляются исследователям в качестве факторов, отвлекающих граждан от участия в политической активности (Сох, 2013: 285).

Российские ученые видят сплочение граждан вокруг таких объединений (например, объединения инвалидов), которым были гарантированы минимальные социальные льготы (Гражданское, 2011: 17; Белокурова, 1999: 278). В целом, исследователи сходятся во мнении, что не только советское прошлое, но и роль социальных антрепренеров (в лице западных доноров, бизнеса или государства)³ имеют большое значение для развития некоммерческого сектора.

---

³ Русская православная церковь, как известно, играет незначительную роль в решении социальных вопросов, по крайней мере, пока российское правительство не стало сокращать свои социальные обязательства. Вместе с тем различные культурные и этнические организации зачастую можно рассматривать в качестве таких социальных антрепренеров и средством аккумуляции ресурсов для поддержки сообществ.

Серия исследований посвящена изучению моделей взаимоотношений между некоммерческими организациями и органами власти в российских регионах. Анализ показывает, что, с одной стороны, в дискурсе присутствует представление о гражданском обществе, противостоящем государству. С другой стороны, понимание роли НКО как ассистента в решении социально значимых проблем (Белокурова, Ноженко, Торхов, Яргомская, 2004; Белокурова, Яргомская, 2004; Ноженко, 2005). Применение структурно-функционального подхода позволяет выделить функции организаций гражданского общества «на входе» и «выходе» политической системы. Это, с одной стороны, переориентирует исследовательскую проблематику в менеджеральную плоскость и связывает деятельность некоммерческих организаций с различными стадиями процесса управления, а с другой стороны, сближает их анализ с функциональным подходом к формированию той или иной модели государства благосостояния. Так, именно сервисная составляющая в деятельности некоммерческих организаций является показателем той или иной модели их функционирования.

В исследовательской литературе тема взаимосвязи общественных институтов и трансформации социального государства в России приобретает все больший интерес. Это отчасти связано с высокой социальной значимостью происходящих изменений, которые затрагивают все российское общество и определяют уровень его благосостояния. Существует и потребность в том, чтобы описать российский случай и определить его особенности в контексте общемирового тренда трансформации государства благосостояния и нарастания присутствия негосударственных институтов в социальной сфере (Salmenniemi, 2007: 25). Тезис о влиянии социальной политики на развитие НКО хотя и звучит в дискуссиях, но, очевидно, требует концептуального оформления. Так, доминирование социальных и благотворительных организаций в ряде посткоммунистических обществ исследователи связывают с неадекватностью политики государства в социальной сфере (Uhlen, 2009; Якобсон, Мерсиянова, Кононыхина, 2011). В российском контексте такие работы зачастую связаны с инструментальными задачами управления и сфокусированы на оценках эффективности/результативности их деятельности и перспектив развития (Задорин, Зайцев, Римский, 2009). Серия работ посвящена анализу административной и образовательной реформы (Balsevich, Podkolzina, 2011; Алескеров, Головщинский, Клименко, 2006; Стародубцев, 2011; Magun, 2011), пенсионной реформы и последствиям монетизации льгот и других процессов, стимулировавших развитие некоммерческого сектора в социальной сфере. В ряде работ анализируются новые управленческие практики, связанные с внедрением принципов «нового менеджериализма» (*new public management*) в социальной сфере, в том числе оценки механизма государственного заказа (Аналитическая, 2011; Ро-

манова, Ярская-Смирнова, 2007) и возможности привлечения НКО к решению социальных проблем (Беневоленский, Шмулевич, 2013). Таким образом, подавляющая часть работ либо посвящена анализу причин и последствий проводимых социальных реформ, либо детальному их описанию и оценке. Вместе с тем появляются исследования, которые рассматривают трансформации в системе управления социальной сферой в комплексе с развитием третьего сектора. Среди таких работ можно назвать серию российских исследований, посвященных анализу и оценке механизмов межсекторного взаимодействия в рамках концепции публичной политики (Никовская, Якимец, 2010), а также анализу отдельных региональных случаев трансформации социальной политики и ее воздействию на практики гражданской активности (Kulmala, 2011; Kay, 2011; Hemment, 2009). Обращаясь к анализу определенного рода организаций внутри некоммерческого сектора (начиная от ветеранских организаций и заканчивая проправительственными движениями «Наши» и «Молодая Гвардия»), авторы констатируют изменение практик взаимоотношений между общественными структурами и государственными институтами в некоторых сферах социального обеспечения. Так, Мэри Кулмала приводит аргументы в пользу формирования «корпоративистской» модели взаимоотношения общества и государства, в то время как Джулия Хэммент характеризует тренд развития в сторону либерализации социальной сферы. В целом же за пределами анализа часто остаются более широкие обобщения относительно формирования той или иной модели взаимоотношения третьего сектора и государства в социальной сфере. Очевидно, что это связано с многоплановостью и динамичностью ситуации в России, которая не всегда позволяет сделать однозначные выводы высокого порядка.

Как показывает обзор исследовательской литературы, вопрос о факторах развития некоммерческого сектора в России остается открытым и с точки зрения теоретического осмысления, и с точки зрения эмпирического анализа. Предпринимаемые политические меры не всегда однозначно сказываются на развитии институтов гражданского общества. Исследователи сходятся во мнении, что новые возможности для финансирования социальных проектов НКО, несомненно, являются примером положительного тренда взаимодействия с органами власти. Однако введение дополнительных бюрократических препон (проверок и избыточной финансовой отчетности) характеризуется аналитиками как явно негативный процесс. Таким образом, сама двойственность проводимого политического курса в отношении НКО не всегда может быть однозначно оценена. Вместе с тем, такие характеристики, как партийная система, анализ деятельности социальных предпринимателей (в том числе религиозных организаций и бизнес-сообщества) и роль гетерогенности общества, а также эффекты «прывалов»

рынка и государства, пока недостаточно изучены для того, чтобы делать серьезные обобщения.

В целом, адекватная оценка системных факторов на развитие некоммерческого сектора осложняется комплексностью организаций и многообразием их форм взаимодействия с государством. Сложность структуры некоммерческого сектора выходит за рамки известного «дуализма» (противопоставления) — старые организации советского типа против новых общественных объединений — и приводит к методологическим сложностям эмпирического анализа (Jakobson, Sanovich, 2010). Это, как правило, влечет за собой две исследовательские стратегии: (1) сужение эмпирического поля анализа до изучения отдельных НКО в рамках той или иной сферы или направления деятельности (экологические организации, правозащитные объединения) или, напротив, (2) обобщения очень высокого порядка, не всегда основанные на сравнительном анализе эмпирических данных. В первом случае картина остается неполной, а во втором — слишком общей. Таким образом, одна из актуальных исследовательских задач состоит в анализе структуры некоммерческого сектора и создании классификации организаций, которая позволила бы содержательно описать и проанализировать максимально широкий круг деятельности общественных объединений граждан.

Заключение

В соответствии с задачами работы обзор теоретических подходов, посвященных исследованиям гражданского общества и некоммерческого сектора, был структурирован вокруг двух дискуссий: (1) о соотношении гражданского общества и демократического правления и (2) о роли некоммерческих организаций в сфере производства социальных услуг. Анализ показывает, что, несмотря на серьезный исследовательский интерес, «демократический дискурс» требует более детальной разработки и тестирования гипотез, которые не всегда хорошо срабатывают, когда речь идет об исследовании посткоммунистических обществ. Сложность тестирования теорий и выявления значимости для развития гражданского общества таких факторов, как доверие и социальный капитал, в том числе, лежит в плоскости методологии, а именно, операционализации и измерения этих явлений. В целом исследования показали ограничения для выявления значимости организаций гражданского общества в процессе смены политического режима (дискуссия о взаимосвязи режима и гражданского общества). Очевидно, что эта связь работает в предсказанном теориями русле только при очень специфических условиях, определяемых спецификой политического контекста.

Теории, объясняющие развитие некоммерческого сектора, являются востребованными и активно развивают аргументацию, связывающую особенности функционирования сервисной экономики и специфической роли социальных антрепренеров и некоммерческих организаций в этой сфере. Гипотезы о влиянии гетерогенности общества и о «провалах» рынка и государства находят подтверждение на широком эмпирическом материале.

Как показывает анализ исследовательской литературы, посвященной российскому гражданскому обществу, в значительной части работ рассматривается роль общественного участия и гражданских организаций в осуществлении контрольной функции по отношению к государству. В целом можно отметить, что российский некоммерческий сектор изучен неравномерно и неполно. Так, преобладающий дискурс гражданского общества в исследовательской литературе сужает круг гражданских объединений, которые могут быть проанализированы. По этой причине организации, институционально связанные с правительством или аффилированные с органами власти, выпадают из поля зрения исследователей, а ветеранские и другие традиционные общественные организации, основанные еще в советское время, остаются малоизученными.

Помимо этого, изменение модели управления социальной политикой в современной России выдвигает на первый план роль социальных антрепренеров, малого бизнеса и некоммерческих организаций. В связи с этим теории, связывающие развитие третьего сектора с моделью государства благосостояния, являются перспективными для объяснения трендов его развития. Анализ исследовательской литературы показывает, что пока эта тематика в большей степени концептуализируется в исследованиях государственного управления и публичной политики. Включение теории социального происхождения, учитывающей политический контекст и роль разнообразных политических и общественных институтов, может стать полезной для объяснения российского случая.

Библиография

Алескеров Ф., Головщинский К., Клименко А. (2006). Оценки качества государственного управления. Препринт WP8/2006/02 (Серия государственного и муниципального управления). М.: ГУ ВШЭ.

Аналитическая (2011). Аналитическая записка «Совершенствование институциональных условий функционирования НКО, привлечение НКО к предоставлению государственных (муниципальных) услуг (работ)» подготовлена Институтом экономики города (http://strategy2020.rian.ru/g16_docs/20111201/366213790.html).

Арато А. (1995). Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание — и направления для дальнейших исследований. Полис. № 3. С. 69–76.

Белокурова Е. (1999). «Третий сектор» и региональные власти, в: Политическая социология и современная российская политика. Под ред. Г.В. Голосова, Е.Ю. Мелешкиной. СПб.: Борей-Принт. С. 272–294.

Белокурова Е. (2001). Концепция гражданского общества в российском прочтении: обзор публикаций последних лет, в: Граждане и власть: проблемы и подходы. Под ред. Г. Михалева, С. Рыженкова. М., СПб.: Летний сад. С. 28–49.

Белокурова Е., Ноженко М., Торхов Д., Яргомская Н. (2004). Почему НКО и власти нужны друг другу? Модели взаимодействия в регионах Северо-Запада, в: Публичная политика: вопросы мягкой безопасности в Балтийском регионе. Под ред. М. Горного. СПб.: Норма. С. 52–147.

Беляева Н. (1995). Гражданское общество в диалоге с государством: общественные объединения как структуры «функционального представительства». Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. № 1. С. 50–72.

Беляева Н., Зайцев Д. (2008). «Фабрики мысли» и «центры публичной политики»: два разных субъекта экспертного обеспечения политики. Полития. № 4. С. 139–151.

Беневоленский В., Шмулевич Е. (2013). Государственная поддержка социально ориентированных НКО: зарубежный опыт. Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 150–175.

Горный М. (2012). История и развитие практик взаимодействия некоммерческих организаций Санкт-Петербурга с властями: общественное-гражданское-политическое участие, в: Публичная политика. Под ред. М.Б. Горного, А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма. С. 113–119.

Гражданское (2009). Гражданское общество в антигражданских обстоятельствах. Доклад организации «Хьюман Райтс Вотч» о состоянии гражданского общества в России.

Даль Р. (2003). Демократия и ее критики. Пер. с англ. Под ред. М.В. Ильина. М.: Российская политическая энциклопедия.

Задорин И., Зайцев Д., Римский В. (2009). Гражданское общество в России в ближайшем будущем: результаты экспертного исследования. Полития. № 4. С. 143–157.

Кин Дж. (2001). Демократия и гражданское общество. О трудностях европейского социализма, перспективах демократии и проблеме контроля над социально-политической властью. М.: Прогресс-Традиция.

Мерсиянова И. (2012). Определение понятия «гражданское общество»: опыт систематизации, в: Гражданское общество как предмет теоретического анализа (<http://www.hse.ru/data/2012/02/09/1262584822/%D0%9C%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf>).

Неправительственные. Десятилетие выживания (2008). Под ред. Д.А. Колбасина. Казань: Отечество.

Никовская Л., Якимец В. (2011). Публичная политика в регионах России: типы, субъекты, институты и современные вызовы. *Полис*. № 1. С. 80–96.

Ноженко М. (2005). Кто и как возвращает в России гражданское общество. *Отечественные записки*. № 6 (27) (<http://www.strana-oz.ru/2005/6/kto-i-kak-vzrashchivaet-v-rossii-grazhdanskoe-obshchestvo>).

Патнем Р. (1996). Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem.

Романова П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (2007). Новая идеология и практика социальных услуг: оценка эффективности в контексте либерализации социальной политики, в: Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения. Под ред. П. Романовой, Е. Ярской-Смирновой. М.: Московский общественный научный фонд; Центр социальной политики и гендерных исследований. С. 9–21.

Стародубцев А. (2011). История одной реформы: ЕГЭ как пример институционального переноса. Препринт М-24/11. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Сунгуров А. (2008). Гражданское общество и его развитие в России. Учебное пособие. СПб.: ЮТАС (http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf).

Тарасенко А. (2009). Инкорпорирование групп интересов в процесс принятия решений как фактор модернизации в России. Препринт М-05/09. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Хархордин О. (1997). Проект Достоевского. *Pro et Contra*. № 4. С. 38–59.

Якобсон Л., Мерсиянова И., Кононыгина (2011). Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества — CIVICUS. М.: НИУ ВШЭ.

Alapuro R. (2010). Introduction, in: *Comparative approach to associations and civil society in Nordic countries*. Alapuro R., Stenius H. (eds.). Nomos Publishers.

Anheier H. (2002). *The Third Sector in Europe: Five Theses*. Civil Society Working Paper N 12.

Armony A. (2004). *The Dubious Link: Civic Engagement and Democratization*. Stanford University Press.

Balsevich A., Podkolzina E. (2011). The Influence of Administrative Procedures on the Incentives of Bureaucrats, Supervisors and Citizens. Working Paper WP10/2011/05. Centre for Institutional Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

Baynes K. (1993). *Civil Society and Political Theory* by Jean Cohen and Andrew Arato. *Political Theory*. Vol. 21. N 3 (August). P. 544–547.

Billis D. (2010). *Hybrid Organizations and the Third Sector. Challenges for Practice, Theory and Policy*. Palgrave Macmillan.

Borzaga C., Tortia E. (2010). The Economics of Social Enterprises. An Interpretative Framework, in: *The Economics of Social Responsibility: the World of Social Enterprises*. Becchetti L., Barzaga C. (eds.). Routledge. P. 15–33.

Bridge S., Murtagh B., O'Neil K. (2009). *Understanding the Social Economy and the Third Sector* Palgrave Macmillan.

Chebankova E. (2012) State-sponsored civic associations in Russia: systemic integration or the 'war of position'? *East European Politics*. Vol. 28. N 4. P. 390–408.

Cohen J., Arato A. (1992). *Civil Society and Political Theory*. MIT Press.

Cook L. (2007). *Postcommunist Welfare States: Reforms and Politics in Russia and Eastern Europe*. Cornell University Press.

Coston J. (1998). A Model and Typology of Government-NGO Relations. *Non-profit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 27. N 3. P. 358–382.

Cox T. (2007). Democratization and State-Society Relations in East Central Europe: The Case of Hungary. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 23. N 2. P. 276–295.

Cox T. (2012). Interest Representation and State-society Relations in East Central Europe. Aleksanteri paper. Kikimora Publications (http://www.helsinki.fi/aleksanteri/julkaisut/tiedostot/ap_2_2012.pdf).

Cox T. (2013). *Civil Society and Social Capital in Post-Communist Eastern Europe*. Routledge (Europe Asia Studies Series).

Cox T., Gallai S. (2014). *Civil Society and Policy Actors in Post-communist Hungary: Linkages and Contexts*. *Perspectives on European Politics and Society*. Vol. 15. N 1. P. 51–67.

Edwards B., Diani M., Foley M. (2001). *Beyond Tocqueville: Civil Society and the Social Capital Debate in Comparative Perspective*. University Press of New England (Series on Civil Society).

Edwards M. (2004). *Civil Society*. Polity Press.

Esping-Andersen G. (1999). *Social Foundations of Postindustrial Economies*. Oxford University Press.

Etzioni A. (1973). The Third Sector and Domestic Missions. *Public Administration Review*. July/August. P. 314–323.

Evers A., Laville J.-L. (2004). *The Third Sector in Europe*. Edward Elgar Publishing Limited.

Hemment J. (2009). Soviet-Style Neoliberalism? Nashi, Youth Voluntarism, and the Restructuring of Social Welfare in Russia. *Problems of Post-Communism*. Vol. 56. N 6. P. 36–50.

Foley M., Edwards B. (1996). The Paradox of Civil Society. *Journal of Democracy*. Vol. 7. Issue 3. P. 3–15.

Henderson S.L. (2002). Selling Civil Society: Western Aid and the NGOs Sector in Russia. *Comparative Political Studies*. Vol. 35. N 2. P. 139–167.

Howard M. (2003). *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. Cambridge University Press.

Jakobson L., Sanovich S. (2010). The Changing Models of the Russian Third Sector: Import Substitution Phase. *Journal of Civil Society*. Vol. 6. N 3. P. 279–300.

Javeline D., Lindemann-Komarova S. (2008). How we assess civil society developments. The Russia Examples. PONARS Eurasia Policy Memo N 34 (http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pepm_034.pdf).

Jenkins J. (1978). Non-profit Organizations and Policy Advocacy, in: *The Non-profit Sector. A Research Handbook*. Powell W. (ed.). Yale University Press. P. 296–318.

Kay R. (2011). Social Security, Care and the “Withdrawing” State in Rural Russia, in: *Gazing at welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries*. M. Jappinen, M. Kulmala, A. Saarinen (eds.). Cambridge Scholars Publishing. P. 145–169.

Köppe S. (2008). New Phenomena and Old Theories. Welfare Markets and Welfare State Change. The paper presented at the 2nd ECPR Graduate Conference, Barcelona (http://poloek-dvpw.mpifg.de/e_documents/paper_jahrestagung_08/08%20Koepp%20-%20New%20Phenomena%20and%20Old%20Theories.pdf).

Kubik J. (2005). How to Study Civil Society: the State of the Art and What to do Next? *East European Politics and Societies*. 2005. Vol. 19. N 1. P. 105–120.

Kulmala M. (2011). Rethinking State-Society Boundaries in a Small-Town Context of Russian Karelia, in: *Gazing at welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries*. M. Jappinen, M. Kulmala, A. Saarinen (eds.). Cambridge Scholars Publishing. P. 170–198.

Kulmala M. (2013): State and Society in a Small Russian Border Town. Dissertation Manuscript, University of Helsinki.

Kulmala M., Tarasenko A. (2013). Between Wind and Water: Strategies of the Russian Veterans’ Organizations to Adjust and Resist the “Modernization” of the Welfare System. Paper presented at the CERES Conference “Intentions, Interactions and Paradoxes in Post-Socialist Space” in Aleksanteri Institute, Helsinki University (May 24–25, 2013).

Magun A. (2011). Higher Education in Russia: is there a way out of a Neoliberal Impasse?, in: *Globalization and Inequality in Emerging Societies*. Rehbein B. (ed.). Palgrave Macmillan. P. 148–174.

Olson M. (1982) *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Rigidities*. Yale University Press.

Roßteuscher S. (2005). *Democracy and the Role of Associations: Political, Organizational and Social Contexts*. Routledge.

Salamon L.M., Anheier H.K. (1996). *Social Origins of Civil Society: Explaining the Non-profit Sector Cross-nationally*. Working paper. John Hopkins University: Institute for Policy Studies.

Salamon L. (2001). The Case of America, in: *Third Sector at the crossroads. An International Nonprofit Analysis*. H. Anheier, J. Kendall (eds.). Routledge. P. 17–35.

Salamon L., Sokolowski W. (2010). *Explaining Patterns of Civil Society: the “Social Origins” Approach*. Lester Salamon and Wojciech Sokolowski. Prepared for delivery at the 9th International Conference of the International Society for Third Sector Research. Istanbul, Turkey, July 9, 2010.

Salmenniemi S. (2007). Civic Organizations and the State in Putin’s Russia: Co-operation, Co-optation, Confrontation, in: *Civil Societies and Social Movements*. D. Purdue (ed.). Routledge. P. 19–34.

Salmenniemi S. (2008). *Democratization and Gender in Contemporary Russia*. Routledge.

Skocpol T., Fiorina M. (1999). *Civic Engagement in American Democracy*. Brookings Institution Press. Russell Sage Foundation.

Smismans S. (2003). *European Civil Society: Shaped by Discourses and Institutional Interests*. *European Law Journal*. Vol. 9. N 4 (September). P. 482–504.

Sundstrom L. (2005). *Foreign Assistance, International Norms, and NGO Development: Lessons from the Russian Campaign*. *International Organization*. Vol. 59. N 2 (Spring). P. 419–449.

The Nonprofit (1978). *The Nonprofit Sector. A Research Handbook*. Walter W. Powell (ed.). Yale University Press.

Uhlen A. (2009). *Which Characteristics of Civil Society Organizations Support What Aspect of Democracy? Evidence from Post-Communist Latvia*, in: *International Political Science Review*. Vol. 30. N 3. P. 271–295.

Zimmer A. (2001). *Corporatism Revised. The Legacy of History and the German Nonprofit Sector*, in: *Third Sector Policy at the Crossroads. An International Nonprofit Analysis*. Routledge. P. 114–125.

Анна Тарасенко

Концепты третьего сектора и гражданского общества в контексте теорий
демократии, управления и экономического развития

Препринт М-36/14

В авторской редакции

Корректор — Д. М. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 05.05.14
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышению квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность. В составе М-Центра работают специалисты, участвовавшие в подготовке книг:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:**
Oil, Gas, and Modernization. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство
Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**